

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма А. В. Колчака А. В. Тимирёвой

№ 1

11 марта 1917 г.

*Л[инейный] к[орабль]
«Имп[ератрица] Екатерина»,
на ходу в море*

Г[лубокоуважаемая] А[нна] В[асильевна],

Несколько дней тому назад я получил письмо Ваше из Петрограда, написанное 27 февраля. Я пришёл 1-го марта вечером из Батума и получил телеграмму от Родзянко, в которой сообщалось о падении старого правительства, а через день пала сама династия. При возникновении событий, известных Вам в деталях, несомненно, лучше, чем мне, я поставил первой задачей сохранить в целостности вооружённую силу, крепость и порт, тем более, что я получил основание ожидать появления неприятеля в море после 8 месяцев пребывания его в Босфоре. Для этого надо было удержать командование, возможность управлять людьми и дисциплину. Как хорошо я это выполнил — судить не мне, но до сего дня Черноморский флот был управляем мною решительно, как всегда; занятия, подготовка и оперативные работы ничем не были нарушены, и обычный режим не прерывался ни на один час. Мне говорили, что офицеры, команды, рабочие и население города доверяют мне безусловно, и это доверие определило полное сохранение власти моей как командующего, спокойствие и отсутствие каких-либо эксцессов. Не берусь судить, насколько это справедливо, хотя отдельные факты говорят, что флот и рабочие мне верят. Мне очень помог в ориентировке генерал Алексеев, который держал меня в курсе событий и тем дал возможность правильно оценить их, овладеть начавшимся движением, готовым перейти в бессмысленную дикую вспышку, и подчинить его своей воле. Мне удалось прежде всего объединить около себя всех сильных и решительных людей, а дальше уже было легче. Правда, были часы и дни, когда я чувствовал себя на готовом открыться вулкане или на заложенном к взрыву порохом погребу, и я не поручусь, что такие положения не возникнут в будущем, но самые опасные моменты, по-видимому, прошли. Ужасное состояние — приказывать, не располагая реальной силой обеспечить выполнение прика-

зания, кроме собственного авторитета, но до сих пор мои приказания выполнялись, как всегда. Десять дней я почти не спал, и теперь в открытом море в тёмную мгlistую ночь я чувствую себя смертельно уставшим, по крайней мере физически, но мне хочется говорить с Вами, хотя лучше бы лечь спать. Ваше письмо, в котором Вы описываете начало петроградских событий, я получил в один из очень тяжёлых дней, и оно, как всегда, явилось для меня радостью и облегчением, как указание, что Вы помните и думаете обо мне. За эти дни я написал Вам короткое письмо, которое послал в Ревель с к[апитаном] 1-го р[анга] Домбровским, но Вы, видимо, очутились в Петрограде и письма мои Вы получите только в Ревеле. Но я думал о Вас, как это было всегда, в те часы, когда наступали перерывы между событиями, телеграммами, радио- и телеграфными вызовами, требующими тех или иных поступков или распоряжений. Могу сказать, что если я тревожился, то только о Вас, да это и понятно, т. к. я не знал ничего о Вас, где Вы находитесь и что там делается, но к обстановке, в которой я находился, я относился действительно «холодно и спокойно», оценивая её без всякой художественной тенденции. За эти 10 дней я много передумал и перестрадал, и никогда я не чувствовал себя таким одиноким, предоставленным самому себе, как в те часы, когда я сознавал, что за мной нет нужной реальной силы, кроме совершенно условного личного влияния на отдельных людей и массы; а последние, охваченные революционным экстазом, находились в состоянии какой-то истерии с инстинктивным стремлением к разрушению, заложенным в основание духовной сущности каждого человека. Лишний раз я убедился, как легко овладеть истеричной толпой, как дешёвы её восторги, как жалки лавры её руководителей, и я не изменил себе и не пошёл за ними. Я не создан быть демагогом — хотя легко бы мог им сделаться, — я солдат, привыкший получать и отдавать приказания без тени политики, а это возможно лишь в отношении массы организованной и приведённой в механическое состояние. Десять дней я занимался политикой и чувствую глубокое к ней отвращение, ибо моя политика — повеление власти, которая может повелевать мною. Но её не было в эти дни, и мне пришлось заниматься политикой и руководить дезорганизованной истеричной толпой, чтобы привести её в нормальное состояние и подавить инстинкты и стремление к первобытной анархии.

Теперь я в море. Каким-то кошмаром кажутся эти 10 дней, стоивших мне временами невероятных усилий, осо-

бенно тяжёлых, т. к. приходилось бороться с самим собой, а это хуже всего. Но теперь, хоть на несколько дней, это кончилось, и я в походной каюте с отрядом гидрокрейсеров, крейсеров и миноносцев иду на юг. Где теперь Вы, Анна Васильевна, и что делаете? Уже 2-й час, а в 5-ть уже светло, и я должен немного спать.

12 марта

Всю ночь шли в густом тумане и отдыха не было, под утро прояснило, но на подходе к Босфору опять вошёл в непроглядную полосу тумана. Не знаю, удастся ли гидрокрейсерам выполнить операцию.

Я опять думаю о том, где Вы теперь, что делаете, всё ли у Вас благополучно, что Вы думаете. Я, вероятно, надоедаю Вам этими вопросами. Простите великодушно, если это Вам неприятно. Последнее время я фактически ничего о Вас не знаю. Последнее письмо Ваше было написано 27-го февраля, а далее произошёл естественный перерыв, но в этой естественности найти утешение, конечно, нельзя. За это время я, занятый ночи и дни непрерывными событиями и изменениями обстановки, всё-таки ни на минуту не забывал о Вас, но понятно, что мысли мои не носили розового оттенка (простите это демократское определение). Вы знаете, что мои думы о Вас зависят непосредственно от стратегического положения на вверенном мне театре. Судите, какая стратегия была в эти дни. Правда, я сохранил командование, но всё-таки каждую минуту могло произойти то, о чём и вспоминать не хочется.

Противник кричал на всё море, посылая открыто радио гнуснейшего содержания, явно составленные каким-то братушкой, и я ждал появления неприятеля, как ожидал равно возможного взрыва у себя. Прескверные ожидания — надо отдать справедливость. Сообразно этому я думал о Вас, рисуя себе картины совершенно отрицательного свойства. Кроме неопределённой боязни и тревоги за Вас лично, мысль, что Вы забудете меня и уйдёте от меня совсем, несмотря на отсутствие каких-либо оснований, меня не оставляла, и под конец я от всего этого пришёл в состояние какого-то спокойного ожесточения, решив, что, чем будет хуже, тем лучше. Только теперь, в море, я, как говорится, отошёл и смотрю на Вашу фотографию, как всегда. Сейчас доносят, что в тумане виден какой-то силуэт. Лёг на него.

Конечно, не то. Оказался довольно большой парусник. Приказал «Гневному» утопить его. Экипаж уже заглаговре-

менно сел в шлюпку и отошёл в сторону. После 5—6 снарядов барк исчез под водой. Гидрокрейсера не выполнили задание — приказал продолжить завтра, пока не выполнят. Ужасно хочется спать. Надо кончать своё писание. Нет никаких мыслей, только спать.

13 марта

Я спал, как, кажется, никогда, — 9 часов подряд, и меня за ночь два раза только разбудили. День ясный, солнечный, штиль, мгла по горизонту. Гидрокрейсера продолжают операции у Босфора — я прикрываю их на случай выхода турецкого флота. Конечно, вылетели неприятельские гидро и появились подлодки. Пришлось носиться полными ходами и переменными курсами. Подлодки с точки зрения с линейного корабля — большая гадость — на миноносце дело другое — ничего не имею против, иногда даже люблю (хотя не очень). Неприятельские аэропланы атаковали несколько раз гидрокрейсера, но близко к ним не подлетали. К вечеру только закончили операцию; результата пока не знаю, но погиб у нас один аппарат с двумя лётчиками. Возвращаюсь в Севастополь. Ночь очень тёмная, без звёзд, но тихая, без волн. За два дня работы все устали, и чувствуется какое-то разочарование. Нет, Сушон меня решительно не любит, и если он два дня не выходил, когда мы держались в виду Босфора, то уж не знаю, что ему надобно. Я, положим, не очень показывался, желая сделать ему сюрприз — неожиданная радость всегда приятней — не правда ли, но аэропланы испортили всё дело, донеся по радио обо мне в сильно преувеличенном виде. Подлодки и аэропланы портят всю поэзию войны; я читал сегодня историю англо-голландских войн — какое очарование была тогда война на море. Неприятельские флоты держались сутками в виду один другого, прежде чем вступали в бои, продолжавшиеся 2—3 суток с перерывами для отдыха и исправления повреждений. Хорошо было тогда. А теперь: стрелять приходится во что-то невидимое, такая же невидимая подлодка при первой оплошности взорвёт корабль, сама зачастую не видя и не зная результатов, летает какая-то гадость, в которую почти невозможно попасть. Ничего для души нет. Покойный Адриан Иванович говорил про авиацию: «одно беспокойство, а толку никакого». И это верно: современная морская война сводится к какому-то сплошному беспокойству и [безымянной] предусмотрительности, т. к. противники ловят друг друга на внезапности, неожиданности и т. п. Я лично стараюсь при-

нять все меры предупреждения случайностей и дальше относиться уже по возможности с равнодушием. Чего не можешь сделать, всё равно не сделаешь. Вы не сердитесь на меня, Анна Васильевна, за эту болтовню? Мне хочется говорить с Вами — так давно не было от Вас писем, — кажется, точно несколько месяцев. Я как-то плохо начал представлять Вас — мне кажется, что Вы стали другой, чем были год тому назад. Но я начинаю говорить вздор и кончу письмо.

14 марта

Сегодня надо проделать практическую стрельбу. Утром отпустил крейсера, переменял миноносцы у «Екатерины» и отделился. Погода совсем осенняя, довольно свежо, холодно, пасмурно, серое небо, серое море. Я отдохнул эти дни и без всякого удовольствия думаю о Севастополе и политике. За три дня, наверное, были «происшествия», хотя меня не вызывали в Севастополь, что непременно сделал бы Погуляев.

№ 2

16. III. 1918 г.

Singapore

Милая, бесконечно дорогая, обожаемая моя Анна Васильевна,

Пишу Вам из Singapore, где я оказался неисповедимой судьбой в совершенно новом и неожиданном положении. Прибыв на «Dunera», которую я ждал в Shanghai около месяца, я был встречен весьма торжественно командующим местными войсками генералом Ridaud, передавшим мне служебный пакет «On His Majesty's Servis» с распоряжением английского правительства вернуться немедленно в Китай для работы в Маньчжурии и Сибири. Английское правительство после последних событий, выразившихся в полном разгроме России Германией, нашло, что меня необходимо использовать в Сибири в видах Союзников и России предпочтительно перед Месопотамией, где обстановка изменилась, в довольно безнадежном направлении. И вот я со своими офицерами оставил «Dunera», перебрался в «Hotel de l'Europe» и жду первого парохода, чтобы ехать обратно в Shanghai и оттуда в Пекин, где я имею получить инструкции и информации от союзных посольств. Моя миссия является секретной, и хотя я догадываюсь о её задачах и целях, но пока не буду говорить о ней до прибытия в Пекин.

Милая моя Анна Васильевна, Вы знаете и понимаете, как это всё тяжело, какие нервы надо иметь, чтобы переживать это время, это восьмимесячное передвижение по всему земному шару...

Не знаю, я сам удивляюсь своему спокойствию, с каким встречаю сюрпризы судьбы, меняющие внезапно все намерения, решения и цели... Я почти успокоился, отправляясь на Месопотамский фронт, на который смотрел почти как на место отдыха... кажется, странное представление об отдыхе, но и этого мне не суждено, но только бы кончилось это ужасное скитание, ожидание, ожидание, которое способно привести в состояние неменяемости любого Бога... Это время было для меня временем величайшего страдания, которое я когда-либо испытывал, кончится ли оно когда-нибудь...

Вы, милая, обожаемая Анна Васильевна, так далеки от меня, что иногда представляетесь мне каким-то странным сном. Разве не сон воспоминания о Вас в той обстановке, где я теперь нахожусь; на веранде экзотического английского отеля в жаркую тропическую ночь в атмосфере какого-то парника, в совершенно чуждом и совершенно ненужном для меня городе — я сижу перед Вашим портретом и пишу Вам эти листки, не зная, попадут ли они когда-нибудь в Ваши ручки.

Даже звёзды, на которые я всегда смотрел, думая о Вас, здесь чужие; Южный Крест, нелепый Скорпион, Центавр, Арго с Канопусом — всё это чужое, невидимое для Вас, и только низко стоящая на севере Большая Медведица и Орион напоминают мне Вас; может быть, Вы иногда смотрите на них и вспоминаете Вашу химеру, действительно заслуживающую одним последним периодом своей жизни это [наименование] нелепой фантазии.

«Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...» Составители Т. Ф. Павлова, Ф. Ф. Перчёнок, И. К. Сафонов. М., 1996. С. 155—160, 284—285.